

„ВОЗРОЖДЕНИЕ”

Когда Сперанский предложил Александру I свой знаменитый проект государственных преобразований, логическим концом которых должна была стать Конституция, то Карамзин возразил: „России нужна не Конституция, а 50 умных губернаторов”. Через 125 лет Сталин „синтезировал” обе идеи: государству дал „Конституцию” абсолютной тирании, а страну разбил на 100 партийных вотчин, управляющие которыми назывались теперь не губернаторами, а первыми секретарями. Умными они должны были быть только в меру, но преданными генеральному секретарю — по-собачьи. Одним из них был Л.И.Брежнев.

В новых мемуарах „Возрождение” („Новый мир”, № 5, 1978) Брежнев рассказывает, каким он был всепобеждающим первым секретарем обкома партии. Согласно рецензии „Правды” на его мемуары, две области Украины — Запорожская и Днепропетровская — обязаны ему не просто восстановлением из руин войны, а чудесным возрождением, — подобно тому, как, по древней легенде, птица Феникс возрождалась из пепла („Правда”, 10.5.78). Но секретарем Днепропетровского обкома Брежнев стал еще до войны — в 1939 году. Эта дата вызывает в памяти жуткие воспоминания: около десяти миллионов советских граждан было заключено к тому времени в концлагеря, да и сама „партия Ленина” лежала в руинах „внутренней войны”, называемой в на-

роде „ежовщиной”, — из трех миллионов ее членов 1 635 000 человек было расстреляно или сослано. Радикально была уничтожена старая элита партии. Все секретари обкомов, крайкомов, центральных комитетов республик, с дореволюционным стажем, — были расстреляны. Из секретарей с послереволюционным стажем в живых были оставлены только три человека: на Кавказе — Берия и Багиров, на Украине — Хрущев. Члены ЦК ленинских времен были поголовно расстреляны, даже члены сталинского ЦК были расстреляны на 2/3. Члены ленинского Политбюро все были расстреляны, члены сталинского Политбюро — почти наполовину. После всего этого Сталин приступил к „возрождению” партии. На Украине эта задача была поручена Хрущеву. „Возрождение” партии происходило уже за счет людей иной породы, чем те, с которыми имел дело Ленин, когда создавал свою партию марксистских фанатиков и идейных революционеров. Режиму личной тирании нужны были, так сказать, безличные личности. Ему нужны были новые кадры, наделенные иммунитетом против любых проявлений положительных эмоций цивилизованного человека, таких, как совесть, честь, любовь, жалость. Сталин ценил в своих кадрах только три качества: нерассуждающую исполнительность, жестокую непреклонность и абсолютное бездушие. Когда, руководствуясь этими критериями, Хрущев начал „возрождать” партию на Украине, то он нашел, что Леонид Брежнев — идеальный кандидат в секретари обкома. После войны Хрущев вновь вспомнил о своем выдвиженце: в августе 1946 г. он назначил его первым секретарем Запорожского обкома партии. Так началась партийная карьера Брежнева, апогея которой он достиг, руководя заговором против того же Хрущева.

Судя теперь по мемуарам Брежнева, никакой Хрущев на свете вообще не существовал. Больше того: ЦК КП(б)У, которому Брежнев был прямо подчинен, тоже не фигурирует в мемуарах. Автор настойчиво навязывает читателю мысль, что он был назначен Москвой и подчинялся непосредственно ЦК ВКП(б). Эта намеренная дезинформация, видимо, нужна автору не только для отмежевания от своего бывшего покровителя, но и чтобы подчеркнуть свою прямую преемственную связь со Сталиным, который присутствует в мемуарах автора как бог, хотя и незримый. Между тем секретари обкомов партии союзных республик назначаются ЦК этих республик и подчиняются им, а московский ЦК их только утверждает. Таков Устав партии. Такова и практика. Так как Запорожская и Днепропетровская области входят в состав Украины, то Брежнев, конечно, находился в непосредственном подчинении ЦК КП(б)У.

Той же цели — дезинформации — служат многие двусмысленности и недоговоренности в брежневских мемуарах. Так, говоря о своем докладе в 1947 г. на заседании Политбюро (стр. 23), автор может вызвать у неосведомленного читателя представление, будто он делал этот доклад в Москве, самому Сталину, а на самом деле он докладывал в Киеве Хрущеву, ибо украинский ЦК, в отличие от других компартий союзных республик, тоже имеет свое собственное „Политбюро” (в других республиках имеются только „бюро”). Все это, конечно, мелочь, но мелочь с характерным для автора, сидящего на троне величайшей из империй, хлестаковским душком.

Кажется, в своем анализе „Малой земли” я недооценил литературных претензий Брежнева. Когда

он, ссылаясь на „Войну и мир”, пустился в философствования насчет смерти и подвига в войне (с явными намеками на Петю Ростова и князя Андрея Болконского), я подумал было, что это просто для красного словца. А вот „Возрождение” Брежнев и впрямь начинает, как Толстой „Воскресение”, с символической травы (которая у Толстого пробивалась к жизни „между плитами камней”) : „Трава уже успела прорасти сквозь железо и щебень, издалека доносился вой одичавших собак, а вокруг были одни развалины да висели на ветвях обгоревших деревьев черные вороны гнезда” (стр. 3). Здесь кончается „художественная проза”. Далее разворачивается рассказ, написанный на том специфическом жаргоне партийной латыни, которым пишут протоколы обкомов, резолюции съездов и передовицы „Правды”. Если название произведения должно в какой-то мере отвечать содержанию, то свое „Возрождение” Брежнев должен был бы озаглавить: „Учитесь у меня, каким должен быть первый секретарь”.

Нынешние первые секретари райкомов, горкомов, обкомов, крайкомов и центральных комитетов республик должны учиться у Брежнева тем методам и средствам, которым учились „маленькие Сталины” — Брежневы — у самого Сталина. Зловеще звучит сегодня этот призыв к „возрождению” сталинских методов и средств в партийной работе — после всего того, что мы слышали о злодеяниях Сталина на XX и XXII съездах партии. Но Брежнев не только призывает учиться у Сталина „стилю партийной работы”, он прямо обязывает к этому, когда цитирует самого себя (из стенограммы обкомовского заседания 1947 г.): „Мы обязаны использовать *весь арсенал средств*, накопленных партией” (выделено мною. — А.А.), и добавляет: „Читая сегодня

эти выступления, замечаешь кое-какие повторы, но в целом эту позицию я и теперь одобрил и поддержал бы” (стр. 11). „Весь арсенал средств” и есть чистокровный сталинизм, осужденный вышеупомянутыми съездами. При всем этом автор силится создать у читателя впечатление, что ему не было чуждо чувство человечности. На этот счет приводятся два примера: жена одного рабочего потеряла продуктовые карточки на семью, Брежнев предложил выдать новые; на монтаже из-за перегрузки упал башенный кран, крановщика хотели судить как „вредителя”, но Брежнев воспрепятствовал: „Зачем создавать атмосферу нервозности и страха?” (стр. 17). Если бы автор задал этот риторический вопрос в свое время Сталину, то данные мемуары никогда не появились бы или, в лучшем случае, были бы посвящены лагерной жизни автора где-нибудь на Колыме. И это Брежнев знает не хуже нас. Он знает больше: сегодня за одно лишь требование уважать его собственную подпись под Соглашением в Хельсинки, он творит дикий произвол — называя его судом — над Орловым, Руденко, Тихим, Гамсахурдия, Костава, Гинзбургом, Щаранским, угрожает расправой академику Сахарову, вынуждает покинуть страну цвет советской свободомыслящей интеллигенции, мучает в концлагерях десятки тысяч политзаключенных и верующих. После всего этого автор „Возрождения” спрашивает у своих читателей: „Зачем создавать атмосферу нервозности и страха?”

Впрочем, страх и есть тот острый инструмент, пользуясь которым режим систематически выскабливает из человека все человеческое, методически прививает ему ощущение собственного ничтожества, постоянно внушает мысль о его обреченности. Такой, низведенный до положения индустриального

раба, „советский человек” и находится в центре внимания автора „Возрождения”. Этот человек, превращенный, по марксистской терминологии, в „прида-ток машины” (по сталинской терминологии, — в „винтик” государственного механизма), по Брежневу, — либо в „рабочий инструмент”, либо в „солдата”, — творит „чудеса” на производстве. Немцы думали, пишет автор, что для восстановления заводов СССР потребуются 25 лет, а американцы, осмотрев разрушенные предприятия на Днестре, сказали, что вообще нет смысла их восстанавливать, лучше построить новые заводы, — а мы их восстановили за год (стр. 5-6). Как это удалось? „Организирующая воля партии” и энтузиазм рабочих решили дело, утверждает автор. Как пример, он вспоминает работу женской бригады: „Всякий раз, когда приходилось бывать на Днепрострое, еще издали слышал звонкие голоса девчат, которые подавали бетон... До бровей закутанные платками, обсыпанные цементной пылью, в жару ли, в холод они не теряли бодрости никогда. Спросишь, как идут дела, и всегда в ответ звонкое: „Хорошо!” (стр. 12.). Неудивительно, что хрупкий женский организм долго не выдерживает такой тяжелой работы. Многие заболевают. Но они „сознательны” и поэтому не бросают работы. Автор пишет, что заболела и бригадирша Анна Лашкарева — у нее открылся туберкулез. Ей предложили легкую работу, но эта сознательная советская девушка наотрез отказалась: „Не могу без стройки”, — ответила Анна. Она потом вылечилась. Брежнев установил причину ее исцеления: „Убежден: исцелили ее не только лекарства... Спасла Аня сама себя тем, что... не бросила работу” (стр. 12). Можно ли выдумать более оригинальный метод „исцеления” больной туберкулезом девушки, как прописать ей бетонные работы?

Конечно, после столь разрушительной войны люди терпели бедствия. Не хватало всего — продуктов, одежды, жилищ, топлива. Американцы предложили помощь по „плану Маршалла” всем пострадавшим от войны европейским странам, в том числе и Советскому Союзу. Когда в начале войны судьба режима Сталина висела на волоске и ему нужно было спасти собственную голову, он сразу принял американскую помощь по ленд-лизу (одиннадцать миллиардов долларов!), но теперь, когда нужно было спасти людей от голода и холода, Сталин отверг помощь по „плану Маршалла”. Брежнев оправдывает такую политику Сталина: „Оказалось, с американскими политиками вообще трудно иметь дело. (...) капиталистические державы, уповая на наши трудности, пытались диктовать нам свою волю, вмешиваться в наши внутренние дела” (стр. 5-6). „Вмешательство во внутренние дела” заключалось в том, что США хотели иметь гарантию того, что американские машины и стальной лист не будут использованы для усиления производства вооружения, а ЮНРРА* хотела следить за тем, чтобы ее продукты и вещи доходили до рядовых советских граждан, а не направлялись на содержание армии.

Как же тогда сам Брежнев справлялся с тяжелыми задачами снабжения трудящихся области? Как „выполнялись и перевыполнялись планы” не только по чугуну и цементу, но как снабжались люди хлебом, мясом, молоком, овощами, как кормились дети в детдомах и яслях, насколько обеспечены были миллионы инвалидов войны? Обо всем этом в мемуарах Брежнева нет ни единого слова, но зато бесцеремонный Хрущев нам сообщил на одном из пле-

* Благотворительная организация ООН.

нумов ЦК в 1963 г., что в те же самые годы и в тех самых местах, где секретарствовал Брежнев, люди умирали с голоду, а Сталин и Молотов экспортировали хлеб в другие страны. А как насчет жилищ? Ведь большинство рабочего населения жило во „временках” и землянках. Тут автор приводит любопытную цитату из своего выступления на партийной конференции, на которой он в „порядке самокритики” сообщил: „...хочу прямо сказать, что жилищным строительством обком и горком партии занимались недостаточно... приходится докладывать конференции, что план по жилью выполнен всего на 11%.

Голос из зала: На 7 процентов!

— Даже на 7%!” (стр. 30).

Лучше не выразишь пресловутую „заботу партии о человеке”, как в этих семи процентах!

И за такую „заботу” автор получил в сентябре 1947 г. орден Ленина. „Это была очень дорогая награда — мой первый орден Ленина”. Так случайно мы узнали, что прославленный „герой Малой земли” и „комиссир Отечественной войны” вернулся с фронта без единого ордена Ленина! Память у нашего мемуариста флюсу подобна — она раздулась у него в одну сторону и совершенно атрофировалась в другую. Поэтому важнейшие события в стране и важнейшие лидеры партии, имевшие прямое отношение и к этим событиям и к нему лично, у него выпали из мемуаров.

Из руководителей украинского ЦК автор не нашел ни одного, достойного упоминания в мемуарах, а из руководителей московского ЦК, кроме Сталина, упомянул только Жданова, выдавая его за чуткого руководителя. Автор притащил его в свои мемуары без видимой на то нужды и по совершенно пустяковому поводу — Брежнев написал письмо в ЦК

Жданову, прося три тысячи электролампочек; „прошло не более трех дней, и мы получили не только положительный ответ, но и лампочки” (стр. 15). Но советский читатель — великий специалист по языку партийных эзопов: генсек угрожает сущим и потенциальным инакомыслящим расправой масштаба и класса ждановщины.

Один раз появляется Сталин, но сцена со Сталиным, вероятно, выдумана, чтобы показать непосредственную связь автора с самим „Хозяином” минуя всяких там Хрущевых, Поскребышевых и Маленковых. Брежнев рассказывает, что, разъезжая по районам во время посевной кампании, он заехал в семь часов утра к одному из секретарей райкома и застал его в удрученном состоянии: „ — Ты что, Александр Саввич? Говори прямо, что у тебя?

— ...Вы радио слышали утром?

— Нет, а что?

— В „Правде”, понимаете, в передовой разделили нас... (...)

— Так... говорю. — Значит, будет звонить Сталин. Надо ехать.

Ночью мне действительно позвонил И.В.Сталин, и разговор был серьезный” (стр. 16).

Сталин учил партию преклонению и чинопочтению, строгому соблюдению иерархической системы — как в отношении субординации, так и в отношении соблюдения дистанции между высшими и низшими чиновниками, между собою и своими подручными. Люди десятилетиями работали первыми секретарями обкомов или даже министрами, ни разу не удостоиваясь приема или просто сталинского звонка. Для этой цели существовал аппарат ЦК и „Внутренний кабинет” Сталина. Все это общеизвестно. Поэтому, если Сталину все-таки нужно было позво-

нить, то он позвонил бы Хрущеву, чтобы тот „прочистил мозги” своему подчиненному. Что же касается того, что у автора был со Сталиным „серьезный разговор”, то пусть этому поверят комсомольцы. Мы же знаем, что со Сталиным „серьезный разговор” в таких случаях сводился к монологу „Хозяина”, вроде того, который был между Сталиным и Игнатьевым: „Товарищ Брежнев, или ты выполнишь план, или мы тебя укоротим на голову”, с добавлением нескольких непечатных слов по адресу секретаря Запорожья, наподобие тех, которые встречаются в письме запорожских казаков турецкому султану (Сталин любил декламировать это письмо, а репродукцию картины Репина держал у себя дома).

Брежнев занимался на бывшей оккупированной Украине не только „возрождением” разрушенных войной предприятий, но и „возрождением” сталинского террора в масштабе, превосходящем даже довоенный террор. Автор не проходит мимо этого факта, но посвящает ему только несколько строчек: „Приходилось заниматься и такими вопросами, которые не связаны с хозяйством... но которые тоже были важны... Органами безопасности велась работа по розыску и разоблачению предателей, помогавших фашистам, полицаев, карателей, укрывшихся во все щели. Они не должны были уйти от возмездия” (стр. 14). Поскольку автор сообщает, что — как первый секретарь — он взял на себя и личное руководство над управлениями МГБ, МВД и прокуратуры (стр. 13), то он и не скрывает своего руководства террором.

На оккупированной территории до войны жило 90 миллионов человек. Теперь за то, что Сталин и его клика дали немцам занять эту территорию, должны были отвечать не Сталин и сталинцы, а остав-

ленные ими на произвол оккупантов советские граждане. Поголовно все взрослое население пропускается через „фильтр” МГБ. Сотни тысяч из них отправляют в концлагеря. За ними следуют миллионы бывших военнопленных и насильно увезенных немцами в Германию „остарбайтеров”. Особенно зверски свирепствовали чекисты именно на Украине, ибо здесь, уже после войны, продолжали бороться за независимую Украину партизанские отряды, которые во время войны сражались и против Гитлера и против Сталина. Брежнев признает этот факт: „...стоит отметить, что послевоенное время требовало особой бдительности. Недели не проходило без различных ЧП, еще появлялись даже вооруженные банды...” (стр. 14). Борьба Брежневых против этих „банд” стоила Украине сотен тысяч новых жертв, а Сталину казалось, что всего этого еще мало. Ведь это шеф Брежнева в те годы — Хрущев, — рассказывая XX съезду о поголовной депортации кавказских народов, доложил от имени ЦК КПСС: „Украинцы избегли этой участи только потому, что их было слишком много и не было места, куда их сослать. Иначе Сталин их тоже сослал бы”. Недоверие Сталина к украинцам было так велико, что он принципиально не разрешал назначать первым секретарем ЦК Украины человека, который в анкетах писал, что он украинец. Поэтому неукраинцы — Каганович, Хрущев, Мельников — назначались первыми секретарями ЦК Украины, а украинцы, которые считали себя русскими, вроде Коротченко, Кириленко, назначались первыми секретарями обкомов.

Я далек от мысли умалять организаторский талант, волевой потенциал и политическую изворотливость первых секретарей. Сама кузница кадров Сталина не знала брака: она или выпускала прожжен-

ных надзирателей уголовного режима, или сжигала до тла не поддающихся „перековке”. Брежнев блестяще выдержал все испытания этой кузницы. Он, конечно, не Сталин, но он из Сталина. Он мастер сталинской школы управления, но не творец, а эпигон. Поэтому он поступает вполне логично, когда призывает свою партию учиться у Брежнева сталинских времен. По этой же причине и его просталинская клика поспешила объявить „Малую землю” и „Возрождение” великим сокровищем партии. Во всех областях и республиках заседают партийные активы, идут теоретические конференции, устраиваются научные симпозиумы по поводу этих произведений. Литература соцреализма десятилетиями искала идеального „положительного героя” и не находила его. Теперь, наконец, его нашли в лице автора данных произведений. Это открытие ввергло партию в неописуемый восторг, а неистребимую армию льстецов — в раж.

На XVIII съезде комсомола, пока что через черный ход (лиха беда начало!), Брежнева зачислили и в „классики” марксизма-ленинизма.

Газета „Правда” не отстаёт от комсомольцев. Она засвидетельствовала, что „Малая земля” и „Возрождение” — „учебники политической мудрости” („Правда”, 6.5.78).

В той же „Правде” присяжный камердинер Кремля Александр Чаковский присмотрелся к „Возрождению” Брежнева с точки зрения его „художественных достоинств”. Надо признаться, что Чаковский обладает феноменальным зрением, словно аргус. Поэтому он заметил в „Возрождении” такие литературные качества, которые недоступны обыкновенному человеческому глазу. Чаковский сообщает, что он их тоже не сразу заметил: „Эти

тридцать семь журнальных страниц я прочел „залпом”, „в один присест”. А потом, находясь еще под впечатлением прочитанного, задал себе вопрос: в чем же сила необычного эмоционального воздействия „Возрождения”? Мне не сразу удалось ответить на этот вопрос... Чаковский явно скромничает. Его ответ был готов, когда он еще не начал читать „Возрождения”, и этот ответ он сформулировал одним словом: „поэзия”! И тут же объяснил, в чем же сила этой „поэзии”: „Поэзия творческого созидания бьет ключом со страниц сегодня написанных воспоминаний. Эта поэзия захватывает и покоряет...” („Правда”, 10.5.78). Еще вчера Чаковские восхищались „поэзией” Сталина и Хрущева, сегодня они пленены „поэзией” Брежнева, а завтра, при новом генсеке, им придется превзойти самих себя, а это совсем не просто. Воистину неистребима армия партийных льстецов. Удивительно, что даже сам Брежнев это знает: „Как это у баснописца Крылова?... „Но в сердце льстец всегда отыщет уголок””.

— Вы предлагайте дело, — говорил я обычно таким людям. — Не надо нам дифирамбов и расшаркиваний” (стр. 32-33).

Это говорил 30 лет назад первый секретарь обкома Брежнев, но если бы сегодня то же самое повторил генеральный секретарь ЦК и повторил всерьез, негодую против виртуозных расшаркиваний перед собою партийных лакеев и тошнотворных дифирамбов по своему адресу казенных „баснописцев”, „баснописцы” занялись бы производительным трудом, а страна сэкономила бы много тысяч тонн бумаги.